

Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом?

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Доцент, Школа философии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, сектор социальной философии, Институт философии РАН. Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: apavlov@hse.ru.

Ключевые слова: постмодерн; постмодернизм; постпостмодернизм; капитализм; посткапитализм; акселерационизм; культура; капиталистический реализм; марксизм; социальная философия; неолиберализм.

В статье обсуждается актуальная для социальной теории и теории культуры проблема того, что стало с постмодерном как языком описания эпохи в XXI столетии. Автор отталкивается от зонтичного термина «постпостмодернизм», чтобы рассмотреть не те концепции, которые предлагают себя в качестве непосредственных альтернатив постмодернизму и при этом игнорируют связку постмодернизма и капитализма, но более сложные теории — те, что ориентируются преимущественно на анализ новейших форм капитализма. Отметив, что впервые идею постмодернизма как культурную логику позднего капитализма предложил американский философ-марксист Фредрик Джеймисон, автор далее пытается обнаружить преемственность новых концепций капитализма именно с подходом Джеймисона.

Обсуждение начинается с теории «капиталистического реализма» британского левого мыслителя Марка Фишера. Признавая заслуги Джеймисона, Фишер по определенным причинам отказывается от термина

«постмодернизм», но весь используемый философский аппарат заимствует именно из джеймисоновских разработок. Далее автор перебрывает мостик от «капиталистического реализма» к новейшим левым теориям, таким как акселерационизм и посткапитализм. Обнаружив тесные связи между работой Марка Фишера и Ника Ланда, сотрудничавших в 1990-е годы в рамках проекта «группы исследований киберкультуры» (Cybernetic Culture Research Unit, CCRU), с одной стороны, и идеями Ника Срничека, с другой стороны, автор ставит вопрос, почему Срничек и его коллеги избегают теории постмодерна Джеймисона. Предлагаемый им ответ состоит в следующем: постмодернизм не позволяет современным левым рассуждать о будущем. Однако, как указывает автор, идеи Джеймисона о постмодерне на «генетическом уровне» заложены в концепцию посткапитализма Срничека, что делает его теорию «постпостмодернистской», но в негативной, а не в позитивной ее версии, как в случае с Марком Фишером.

Введение

ПОСЛЕДНЕЕ десятилетие в социальной теории — хотя, конечно, не только в ней — характеризуется попыткой преодоления эпохи постмодерна: даже не столько самой эпохи, рамки которой весьма и весьма размыты, сколько категориально-го аппарата описания данного времени. Очень важно, что поиски нового языка, в том числе ярлыка самого темпорального режима, проходят прежде всего в сфере искусства и, шире, культуры или общественных настроений, которые тем не менее все так же отображаются в культуре. Так, французский социальный философ Жиль Липовецкий, развивая свою концепцию гипермодерна, обратился к категории «творческого капитализма»; куратор и искусствовед Николя Буррио размышляет об альтермодерне в контексте изменений в сфере эстетики и мира искусства в целом; новая чувственность метамодернизма обнаруживает себя, по мнению авторов этой теории, в живописи, архитектуре, кинематографе, литературе и т. д.; диджимодернизм, хотя в фокус его внимания попадает именно технология и цифровой мир, рассуждает исключительно о переменах в культуре. Этот список можно продолжать; по большому счету вектор идей очевиден, а эмпирический материал, к которому обращаются авторы новейших теорий, — культура.

В данном случае, однако, возникает некоторая трудность. Кажется, постмодерн сегодня мало кого удовлетворяет в качестве эвристической социальной теории и философии культуры. Вместе с тем необходимо разобраться, с каким именно постмодерном пытаются свести счеты те или иные авторы, если к нему обращаются (но мы знаем, что почти все о нем говорят). Часто теоретики ссылаются на «состояние постмодерна» Жана-Франсуа Лиотара, но еще чаще исследователи не могут обойтись без ссылки на фундаментальные работы Фредрика Джеймисона. В этом нет ничего удивительного: как убедительно показал марксист Перри Андерсон, именно Джеймисон одержал победу в борьбе за адекватное теоретическое описание такого непростого термина, как «постмодерн»¹. В данном случае мы подошли к ключевому пункту стоящей перед нами проблемы — работает ли, с точки зрения некоторых авторов, теория постмодерна, предложенная Джеймисоном?

1. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011.

Практически всеобщее отречение от постмодерна первым делом заставляет нас предположить, что данная теория более не актуальна. Но именно здесь начинаются сложности — постольку, поскольку авторы, отрицая сам постмодерн, обращаются в своей теоретической работе за помощью к теории Джеймисона.

В то же время это не единственная и не самая большая сложность обсуждения современных попыток упразднить постмодерн и предложить адекватный анализ нашего времени. Сила концепции Джеймисона заключалась в том, что он первым предположил: постмодернизм — не течение в искусстве, а характеристика культуры в целом. Но эта же культура отражала логику позднего — на момент начала 1980-х годов — капитализма. То есть, став «второй природой» человека, культура была по сути экономикой. Хотя Джеймисон не так часто обращался к экономическим категориям, концентрируясь на культуре, но, описывая одно, он объяснял содержание другого. Он неоднократно подчеркивал, что выступал против «морализаторской позиции», свойственной многим левым, но пытался сделать невозможное — описать эпоху, то есть помыслить культуру в ее тотальности. Мы даже могли бы назвать это «когнитивным картографированием» постмодерна, если бы (не)используемый нами в данном случае термин не был настолько сложным.

Заметим: мало кто из авторов концепций иного «-модерна» обращается к капитализму, то есть большинство совершенно забывает об экономике. Другая проблема в том, что оспаривать абстрактный «постмодернизм» — это одно, а оспаривать Джеймисона — совсем другое. Причем оспаривать — необязательно значит критиковать и указывать на промахи. Оспаривание, в моем понимании, может заключаться и в домысливании или даже в использовании концептуального аппарата, но в каких-то иных целях. Из всех концепций альтернативного описания нынешнего состояния (западного) общества и актуальной культуры наиболее интересны те, что обращаются за помощью как раз к теории Джеймисона, и вот почему.

Ниже я изложу и критически рассмотрю две стратегии социальной теории, которые либо непосредственно апеллируют к Джеймисону, чтобы развить или «дополнить» его мысль, либо, резко контрастируя с упоминаемыми выше концепциями метамодерна, альтермодерна и т. д., обращаются к другой важнейшей для философа категории — капитализму. Однако вторая стратегия также не обходится без его помощи. Чтобы доказать это, я свяжу первую стратегию «капиталистического реализма» со второй — «акселерационизма» и впоследствии «посткапитализма» — путем неочевидных влияний и заимствований теоретического аппарата. Мы уви-

дим, что даже некоторые социальные теории капитализма, отказавшиеся от джеймисоновской концепции постмодерна, все равно пребывают в ее тени.

Капиталистический реализм

Марк Фишер (1968–2017) — британский публицист левых взглядов, но также теоретик культуры и философ, прославившийся главным образом своим блогом *K-Punk*. Широкую известность ему принесла книга «Капиталистический реализм», написанная на основе блога. Она была переведена на множество языков, в том числе на русский. При этом, работая с его концепцией, мы должны понимать, что Фишер — не систематический мыслитель: жанр, в котором он работает, — прежде всего блоговые записи и эссеистика. Поэтому от него не стоит ожидать аккуратности в использовании сложных терминов. Кроме того, теоретическое содержание его текстов подчинено риторике и политической позиции — это необходимо учитывать при анализе его работ.

Эмпирическое поле исследований Фишера — музыка, литература, кинематограф и преподавание (он часто обращается к своему опыту преподавания в британских колледжах). То есть, когда он нападает на капитализм, Фишер обращается к культуре в самом широком смысле и, кажется, никогда не говорит чего-то конкретного об экономике. Наконец, его книги «Странное и жуткое» и «Призраки моей жизни», изданные после «Капиталистического реализма», посвящены исключительно литературе, кино и музыке; книга *K-Punk*, вышедшая после смерти Фишера, содержит, вероятно, все написанное автором (преимущественно записи блога)². Таким образом, нас интересует первая и главная его работа постольку, поскольку обсуждение новейшего капитализма представлено именно в ней. Итак, что предлагает Фишер?

Редактор сборника неопубликованных работ Фишера *K-Punk* признает, что значительная часть текстов автора была написана в ответ на размышления Джеймисона о постмодернизме³. Это чистая правда. Притом что Фишер не оппонирует Джеймисону, но регулярно обращается к его теоретическому аппарату, что-

2. См.: *Fisher M. Ghosts of My Life. Writings on Depression, Hauntology and Lost Futures. Winchester, WA: Zero Books, 2014; Idem. The Weird and the Eerie. L.: Repeater, 2016; Fisher M., Ambrose D. K-Punk. The Collected and Unpublished Writings of Mark Fisher (2004–2016). L.: Repeater Books, 2018.*

3. *Ambrose D. Editor's Introduction // Fisher M., Ambrose D. Op. cit.*

бы сказать что-то о современной культуре и политике. Возможно, Фишера не устраивало в текстах Джеймисона прежде всего его утверждение, что в нынешней культурной ситуации традиционные разговоры о будущем уже невозможны, — к этому вопросу мы еще вернемся. Впрочем, эта претензия могла быть адресована не Джеймисону, а самой ситуации постмодерна, характерной для 1980-х и 1990-х годов. В конце концов, и Франко «Бифо» Берарди признал, что будущее было украдено у левых именно в 1990-е годы⁴. Сам же Фишер — в духе многих последующих левых теоретиков — настаивал: «Мы должны изобрести будущее»⁵. К этой теме он пришел, однако, немного позже, а в 2009 году главной своей мишенью избрал новейшую форму капитализма.

В 2009 году Фишер отчаивался узреть какой-либо альтернативный вариант будущего, а точнее, вообще не мог представить, что оно может быть. Начинает Фишер с того, что капитализм стал не просто доминирующей и единственной социально-экономической системой, но, главное, теперь даже невозможно вообразить альтернативу. В пример он приводит фильм Альфонсо Куарона «Дитя человеческое» (2006), чтобы заявить, что это кино показывает не будущее, даже в качестве альтернативы, а, скорее, обостренную форму нашего собственного мира. Экстраполируя образы из «Дитя человеческого» на нашу реальность, Фишер меланхолично замечает, что мир «не заканчивается взрывом, он затухает, оголяется, постепенно распадается»⁶. Фильм подтверждает, что будущее не готовит нам ничего, кроме перманентного застоя и повторных искажений одного и того же; и сама культура в ситуации, когда нет ничего нового, обречена на исчезновение. Такова культурная логика капитализма — в воображении Фишера он действует как чудовище из картины Джона Карпентера «Нечто» (1982), «монструозное, чрезвычайно пластичное существо, способное поддерживать свой метаболизм в чем угодно и поглощать все, с чем соприкасается»⁷.

Главный вопрос в таком случае — как быть с капитализмом, который распространяется всюду, поглощает все и лишает нас будущего? Мы эксплицируем основные тезисы его позиции, разбросанные по страницам книги.

4. Берарди утверждал, что наше будущее появилось и исчезло, и потому сама концепция «будущего» потеряла полезность. См.: *Berardi F. After the Future*. Oakland: AK Press, 2011.

5. *Fisher M. "We Have to Invent the Future": An Unseen Interview with Mark Fisher (2012)* // Fisher M., Ambrose D. *Op. cit.*

6. *Фишер М. Капиталистический реализм*. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 13.

7. Там же. С. 18.

1. Изначально, как замечает сам автор, термин «капиталистический реализм» был использован как пародия на «социалистический реализм» еще в 1960-е годы⁸. Впрочем, Фишер не упоминает, что в том же десятилетии это выражение встречалось не только в рамках пародии⁹. В любом случае он придает термину новое звучание и считает, что словосочетание не должно ограничиваться искусством и прекрасно подходит для описания социального состояния XXI века — это, если угодно, общая «атмосфера», не только регулирующая производство культуры и социальных отношений, но и блокирующая любые действие и мысль. Бедность, голод, насилие и пр. — неотъемлемые атрибуты реальности, с которой нам приходится мириться, и капитализм утверждает, что их нельзя избежать, но можно подправить. В таком свете моральная критика, традиционная для левых, не может работать. Фишер, обращаясь к психоанализу, разграничивает понятия «Реальное» и «реальность». Так, принцип реальности требует с подозрением относиться к любой «реальности», которая якобы представляет собой что-то естественное и очевидное. В то время как Реальное — то, что вытесняется «реальностью», «непредставимое X, травматическая пустота»¹⁰. Поэтому необходимо, считает Фишер, обращаться к Реальному, вытесненному «реальностью» капиталистического реализма. Но какова же эта «реальность», именуемая капиталистическим реализмом? Это главное из конструктивных решений Фишера: изобличить весь ужас «реальности» капиталистического реализма. Иными словами, его задача — показать, что капитализм противоречив и неустойчив¹¹.

2. Поздний капитализм — это, если угодно, «рыночный сталинизм», сутью которого является рекламно-бюрократический подход к «решению» любых проблем. Фишер имеет в виду, что превозносятся главным образом *символы* достижений, а не сами *реальные* достижения. Для капитализма намного важнее производство псевдособытий, чтобы обеспечить триумф рекламы над «реальностью». Предлагая аллюзию на Маркса и Энгельса и американского марксиста Маршала Бермана¹², Фишер формулирует это так:

8. Там же. С. 33.

9. См.: Lueg K., Richter G. Leben mit Pop: eine Demonstratio fur den kapitalistischen Realismus. Dusseldorf: Moberhaus Berges, 1963.

10. Фишер М. Указ. соч. С. 40.

11. Там же. С. 38.

12. Имеется в виду главная книга автора, название которой — цитата из «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса: Berman M. All That is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity. L.; N.Y.: Verso, 1983.

«...при капитализме все прочное расплавляется в пиар»¹³. Чтобы пояснить слабость этой установки, Фишер обращается к категории «Большого другого» в интерпретации Славоя Жижека и пишет, что подобный пиар ориентирован именно на эту «коллективную фикцию», потому что и общество, и власть/капиталисты прекрасно осведомлены, что очень часто, в случае разных достижений или продажи ненужных товаров, кроме рекламы ничего не существует. Невоплощенная ткань социальной системы рвется, когда разрушается иллюзия того, что «Большой другой» якобы не догадывается, что его вводят в заблуждение. Иными словами, катастрофа случается тогда, когда кто-то из власти (или сами капиталисты) признает, что «реальность» ужасна. Так когда-то было со «сталинским социализмом», изобличенным Хрущевым. Однако капиталистический реализм успешно решает эти проблемы, изобретая, скажем, такие практики, как аудит. Будучи бюрократической процедурой, аудит являет собой проверку (при этом все проверяемые пытаются впечатлить несуществующего «Большого другого»), а затем осуществляет пиар, предоставляя «данные» о выдающихся достижениях работников. Эта новая — теперь уже капиталистическая — бюрократия ничем не ограничена и проникает повсюду, создавая тем самым ситуацию, из которой нет выхода.

3. С этим связана проблема отсутствия коллективного субъекта и, что еще важнее, отсутствия *реальных* агентов капитала, которым можно было бы предъявлять требования что-то изменить. Относительно последнего Фишер заявляет, что, например, корпорации не являются такими агентами, которые управляют всем и действуют на самом глубоком и невидимом уровне, потому что эти корпорации ограничены конечной причиной, «которая-не-есть-субъект, то есть Капиталом, являясь всего лишь его выражением»¹⁴. Будучи агентами капитализма, корпорации (сами по себе безличные) перекладывают ответственность на конкретных людей — индивидов — и обеспечивают работу капиталистической «реальности». Фишер даже называет ключевое символическое событие всего этого — концерт *Live Aid* 1985 года, когда протесты шахтерских забастовок были вытеснены сентиментализмом, требующим этических обязательств от индивидов, сидящих перед экранами телевизоров. Поэтому часто вину за те или иные проблемы возлагают на тех, кто злоупотребляет отлаженной системой. Следовательно, необходимо сконструировать новый «кол-

13. Там же. С. 82.

14. Там же. С. 124.

лективный субъект», каждый представитель которого осознает, что не несет никакой индивидуальной ответственности. А значит, нужно не требовать личной ответственности, но обращаться к тотальности: дело не в том, что каждый конкретно отвечает за изменение климата, но в том, что в действительности никто за него не отвечает; это и есть суть проблемы.

4. Как это сказывается на субъекте, находящемся в новой культурной ситуации? Здесь Фишер особенно пессимистичен. Как и всегда, он отталкивается от позиции Фредрика Джеймисона, чтобы обратиться к проблеме расстройств психики. В контексте постмодерна Джеймисон говорил о децентрированном субъекте, описывая это состояние как «шизофрению», но в культурном, а не в медицинском смысле¹⁵. Отметим, что другие «постпостмодернисты» также рассуждают о диагнозе общества, следуя Джеймисону: диджимодернизм обсуждает аутизм, а гипермодернизм — анорексию, булимию и нарушение психической стабильности¹⁶. Фишер же высказывается именно о медицине. В ситуации «капиталистического реализма» самым распространенным психическим заболеванием стала депрессия¹⁷. Задаваясь вопросом, как стало возможным, что так много людей в Британии страдают именно этой болезнью, Фишер ожидаемо отвечает, что это порождается самой социальной системой, порочной в своем основании. Возможно, это место было бы наименее любопытным в рассуждениях Фишера, если бы он не предложил развитие тезиса. Больше всего автор переживает за молодых людей. Однако их проблемы с психикой он называет «депрессивной гедонией» — неспособностью выполнять какие-либо действия, кроме поисков удовольствия¹⁸. Вместо конструктивной активности молодежь просто смотрит телевизор, играет в приставку и ест фаст-фуд; не желает читать, считая это скучным. И здесь, чтобы описать «время, нарезанное на цифровые микроломтики», доставшееся молодому поколению, Фишер вновь цитирует Джеймисона.

Мы должны учитывать, что в данном случае сказывается возраст и присущий Фишеру «естественный консерватизм», предпо-

15. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 125–136.

16. Kirby A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N.Y.; L.: Continuum, 2009. P. 227–233; Aubert N. Violence du temps et pathologies hypermodernes // Cliniques méditerranéennes. 2008. № 78. P. 23–38.

17. Фишер М. Указ. соч. С. 42.

18. Там же. С. 48.

лагающий печальный взгляд на новые поколения, которые «уже ничего не хотят». Сам Фишер не рефлексировал по этому поводу, но его брюзжание относительно студентов, которые слушают музыку прямо в аудитории, толкает его к далеко идущим выводам относительно депрессивной культуры, хотя это может отражать куда более локальную и совершенно субъективную проблему автора.

Расплавление

Казалось бы, теория Фишера сама по себе стройная, хотя и не очень изощренная в плане философского фундамента. Возможно, именно эта простота и полемический запал позволили ей стать столь популярной. Вместе с тем у «капиталистического реализма» есть проблемы в концептуальном плане, и сам Фишер их, разумеется, обсуждает.

Исходная теоретическая посылка Фишера состоит в следующем. Первым делом автору было необходимо отделаться от постмодернизма как от описательной категории его «теории» — иначе что он привносил нового? Поэтому Фишер сразу заявляет: поскольку Джеймисон убедительно показал связь между культурой постмодерна и тенденциями постфордистского капитализма, может возникнуть впечатление, что в понятии капиталистического реализма нет никакой необходимости. Фишер даже признает, что в определенном смысле так оно и есть, поскольку то, что он называет «капиталистическим реализмом, можно подвести под категорию постмодернизма в той теоретической версии, которая была предложена Джеймисоном». Вместе с тем Фишера не устраивает сам термин «постмодернизм», так как, несмотря на титанические усилия Джеймисона по объяснению слова, значение понятия все еще остается неясным и запутанным, а сам концепт — «спорным»¹⁹.

Кроме того, у Фишера есть несколько причин отказаться от постмодернизма в отношении связки его концепции с актуальной культурной и политической ситуацией. Во-первых, в 1980-е годы, когда Фредрик Джеймисон начал работать над темой, существовали хоть какие-то альтернативы капитализму, в частности Советский Союз и страны советского блока. Во-вторых, в момент своего появления постмодернизм изначально сталкивается с модернизмом, постепенно, но агрессивно осваивая и коммодифицируя последний. Капиталистический реализм уже не сражается с модернизмом, но считает само собой разумеющимся его

19. Там же. С. 20.

преодоление, лишь изредка принимая его возвращение в качестве «замороженного эстетического стиля». В-третьих, встроив в себя любые альтернативы и поглотив весь мир, новейший капитализм решает иную, нежели постмодернизм, проблему — производства «независимых культурных зон», в которых могут повторяться лишь *старые* жесты протеста, при этом на деле они не выходят за пределы мейнстримной культуры.

Все это выглядит почти убедительно. Но все же, например, «метамодернист» Робин ван ден Аккер, о котором я уже писал в контексте проблемы постпостмодернизма²⁰, пишет:

При постмодернизме стало невозможным — или внешне бесполезным — представлять исторический момент до или после не обузданного капитализма (а следовательно, и либеральной демократии с неолиберальной экономикой): эту идеологическую диспозицию, в плане как искусства, так и политики, по всей видимости, лучше всего описывать в терминах «капиталистического реализма»²¹.

Несмотря на то что ван ден Аккер использует термин Фишера и даже ссылается на последнего, из цитаты следует, что капиталистический реализм — лишь аватар или иное обозначение постмодернизма. Это наносит существенный урон прежде всего концептуальным основаниям теории Фишера. Но отсюда вытекает другая проблема — автору не удастся преодолеть теорию Джеймисона и хотя бы дополнить ее, если не развить.

Это правда, что Фишер работает с кинематографом. Мы видели, что делает он это довольно часто — скорее в духе Славоя Жижека, обращаясь к фильмам, чтобы оттолкнуться от них в качестве примеров репрезентации проблем капитализма и затем перейти к сути дела. Джеймисон, как правило, анализирует ленты, эксплицируя из них смыслы, отражающие состояние постмодерна²². Но сама установка на работу с кино как с эмпирическим материалом для иллюстрации социальной теории и попыток найти в фильмах отражение ключевых проблем современности (капитализма и/или идеологии) имеет источником открытия Джеймисона, а не Жижека. Более того, Фишер не может обойтись без прозрений

20. См.: Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28. № 6. С. 1–19.

21. Van den Akker R. Metamodern Historicity // Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / R. Van den Akker et al. (eds). L.; N.Y.: Rowman & Littlefield, 2017. P. 22.

22. Джеймисон Ф. Указ. соч. С. 565–578.

Джеймисона, в конечном счете используя главным образом наработки последнего. Одним словом, теория Джеймисона, как тень, нависает над всеми размышлениями Фишера, доказывая свою актуальность и жизнеспособность. Но главное — Фишер не может обойтись без слова «постмодернизм», хотя это, казалось бы, «спорный термин» (!); он через раз, а то и чаще подменяет им ситуацию «капиталистического реализма». Неоднократно он использует это слово и в других текстах. Видимо, в теоретическом и даже практическом отношении от понятия «постмодерн» не так-то легко избавиться, даже если мы декларируем, что оно больше не подходит для описания нынешней культурной ситуации.

Но каким образом все это может быть связано с куда более свежей и актуальной левой теорией акселерационизма или посткапитализма? Может показаться странным и даже неправомерным вписывать социальную теорию Ника Срничека в разговор о «постпостмодернизме». Но это лишь на первый взгляд: для этого есть несколько довольно веских оснований. Во-первых, мы можем обнаружить невидимые, но весьма прочные нити, связывающие социальные теории Марка Фишера и Ника Срничека. Во-вторых, сам Срничек во главу угла своей концепции ставит капитализм, и это означает, что мы должны хотя бы задаться вопросом, есть ли в таком раскладе место постмодернизму, раз уж последний в течение долгого времени был культурной логикой позднего капитализма. В-третьих, поскольку Срничек — левый, возникает вопрос о том, существуют ли какие-то пересечения его концепции с теорией постмодернизма Фредрика Джеймисона. И если вдруг такие пересечения не обнаружатся, мы должны ответить почему и тем самым подтвердить гипотезу о том, что идея посткапитализма является собой стратегией (не)осознанного устранения постмодернизма, а в таком случае она в некотором отношении становится стратегией «постпостмодернизма». Но проясним эти аргументы и обсудим возникающие вместе с ними трудности.

Британский философ Ник Ланд тесно связан с «группой исследований киберкультуры» CCRU (*Cybernetic Culture Research Unit*). Этот междисциплинарный коллектив был основан Сэди Плант в 1995 году, а с 1997 года его возглавил Ланд. Марк Фишер участвовал в работе группы. И поскольку последний был левым, а Ланд — правым, между ними существовало определенное интеллектуальное напряжение²³. К слову, название блога Фишера

23. «Фрагментация — вот единственная стратегия». Интервью с Ником Ландом // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 35.

K-Punk (что означает в том числе и «киберпанк») отсылает именно к этой группе, где первая «С» означает «кибер», то есть связана с греческим *Kuber*²⁴. Сам Фишер упоминает Ланда среди основных представителей группы. Кроме того, имя Ланда вписано в другую важную интеллектуальную традицию — концепцию акселерационизма. Поначалу ее развивал Срничек, написавший вместе с Алексом Уильямсом «Манифест акселерационизма»²⁵ и придавший концепции звучание и популярность. При этом Ланд занимает правый фланг движения, в то время как Срничек и Уильямс — левый. Поэтому мы не удивимся, если увидим имя Марка Фишера в ссылках Срничека и Уильямса. Здесь заметим, что именно Фишеру, как упоминалось, принадлежит мысль о том, что «мы должны изобрести будущее», высказанная им еще в 2012 году²⁶, то есть до написания манифеста акселерационизма. Это приводит нас к следующей важной проблеме.

Как оппонент Ланда, Фишер обращается к манифесту последнего, получившему название «Расплавление»: «В работе Ланда кибернетически перестроенная невидимая рука все больше и больше устраняет централизованную государственную власть», и потому целью Ланда было «создание некоей картины глобального капиталистического искусственного интеллекта». Но нас больше интересует другое. Фишер замечает:

В текстах Ланда 1990-х был выполнен синтез кибернетики, теории комплексности, киберпанка и неолиберализма²⁷.

И вот к каким утверждениям Ланда привел этот весьма экстравагантный синтез:

Расплавление постмодерном культуры в экономику вызывает фрактальной взаимозамкнутостью товаризации и компьютеров — транскалярной энтропийной диссипацией (от международной торговли до рыночно-ориентированного софта), размораживающей динамику конкуренции из крионического банка

24. Fisher M. Why K? // Fisher M., Ambrose D. Op. cit.

25. Уильямс А., Срничек Н. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 7–20.

26. Однако Срничек и Уильямс в книге с названием «Изобретая будущее» цитируют только его «Капиталистический реализм», не другие тексты. Чтобы избежать недомолвок, приведу фразу Фишера на английском: «We have to invent the future» (Fisher M. “We have to invent the future”).

27. Фишер М. Указ. соч. С. 84.

модернистского корпоратизма. Коммерция перевоплощает пространство внутри себя, собирая вселенную, исчерпывающе имманентную функциональности киберкапитала²⁸.

В другом месте мы находим более явно артикулированное отношение Ланда к постмодерну:

Будущее ближе, чем было, — ближе, чем на прошлой неделе, но постмодерн остается эпохой силы нежити: уже все закончилось, но все еще продолжается²⁹.

Ирония заключается в том, что любой российский ученый (а фактически любой читатель), прочитав следующие строки, скорее всего, охарактеризовал бы их как «постмодернистские»:

Культура постмодерна ре тре трещит вирус вирус ви-рус вирус вирус вирус вирус вирус вирус 0110001001001011010010010 110010010010010010 «вирус» (виروпластичный, виrogenный, иммуносупрессор и и или, мета-, или ли и или гипер-) вирус³⁰.

Таких цитат у Ланда 1990-х годов найдется немало. И хотя Срничек и Уильямс являются политическими оппонентами Ланда, исходная посылка ускорения капитала у них одна³¹, а сам Ланд начал рассуждать на тему акселерационизма даже раньше них. Вот почему проблема постмодерна некоторым образом вшита в социальную теорию Срничека.

Но и это еще не все. В 1990-е годы «киберпанк» определенно был интеллектуальной модой. Как видим, Ланд и Фишер обращаются именно к нему. Что ж, следует сказать, что киберпанк — это жанр культуры, который возник и состоялся благодаря постмодернизму. У того же Джеймисона, цитировавшего Уильяма Гибсона, мы можем обнаружить такой пассаж:

Здесь уместно пожалеть о том, что в этой книге нет главы о киберпанке, ведь, с точки зрения многих из нас, это высшее литературное выражение если и не постмодернизма, то позднего капитализма³².

28. Ланд Н. Расплавление // Он же. Киберготика. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 181.

29. Он же. Машинное желание // Киберготика. С. 88.

30. Он же. Гипервирус // Киберготика. С. 120.

31. «Фрагментация — вот единственная стратегия». Интервью с Ником Ландом. С. 46.

32. Джеймисон Ф. Указ. соч. С. 57–58.

Иными словами, в начале 1990-х годов было почти очевидно, что киберпанк — это не только грядущая интеллектуальная мода, но и высшее и самое свежее воплощение постмодернизма. Мы находим историческое, более позднее подтверждение этого тезиса. Так, литературовед Брайан Макхейл в своей книге «Кембриджское введение в постмодернизм» называет киберпанк одним из ключевых явлений/жанров постмодернизма, находящегося на пике своего развития³³. Одним словом, Ник Ланд и Марк Фишер, хотели они того или нет, в 1990-е годы продвигали самую актуальную форму постмодернистской культуры. И на фундаменте всего этого Ник Срничек, осуществив определенную переплавку, строит свою теорию.

Неприятности с посткапитализмом

В своем раннем тексте «Навигация по неолиберализму: политическая эстетика в эпоху кризиса» Срничек ссылается на термин «капиталистический реализм» как на нечто само собой разумеющееся и не дает ссылки на Фишера. Автор повторяет главный фишеровский тезис: «Капиталистический реализм утратил свое ощущение будущего»³⁴. Это очень важный текст, потому что именно здесь Срничек обращается к эстетике и неолиберализму — крайне редкой для него теме. Будущее — ключевой концепт для начала размышлений Срничека; именно посткапиталистического будущего он собирался добиваться путем разгонки капитализма до предельных оснований. «Навигация по неолиберализму» — текст доклада, сделанного Срничком в сентябре 2012 года. Но уже 14 мая 2013 года Срничек и Уильямс опубликовали свой манифест. С тех пор они написали книгу и продвинулись в своих рассуждениях дальше. Именно поэтому уже в 2017 году Срничек заявил: «Термин „акселерационизм“ стал бесполезным»³⁵. Что же в таком случае он стал развивать в качестве основного понятия своей теории?

В 2015 году вышла книга Срничека и Уильямса «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда»³⁶. Обратим внимание,

33. См.: *McHale B.* The Cambridge Introduction to Postmodernism. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 85–89.

34. *Срничек Н.* Навигация по неолиберализму: политическая эстетика в эпоху кризиса // Художественный журнал. 2016. № 99. С. 97.

35. «Термин „акселерационизм“ стал бесполезным». Интервью с Ником Срничком // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 87–102.

36. *Srnicek N., Williams A.* Inventing the Future. Postcapitalism and a World without Work. L.: Verso, 2015.

что в заглавии уже исчезает важнейший для их концепции термин «акселерационизм». Но также отметим, что слово «посткапитализм» в их манифесте присутствовало. Однако именно с этим понятием связаны основные трудности. Например, в том же 2015 году выходит книга британского журналиста Пола Мейсона «Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему»³⁷. Таким образом, возникает серьезная интеллектуальная конкуренция в борьбе за термин. Тем более что Мейсон рассуждает об угрозах капитализму со стороны «цифровой революции» — именно с этим материалом работает Срничек. И даже слово «будущее» — ключевое для акселерационизма — здесь присутствует. Но еще раньше, в 2013 году, появилась книга философа Рафаэля Сассовера «Цифровая экспозиция: постмодернистский посткапитализм»³⁸.

Ключевой тезис Сассовера состоит в следующем. Вместо бинарных оппозиций капитализм/социализм и модернизм/постмодернизм мы должны изобрести способ отобразить наиболее эффективное и социально выгодное, что существует в этих системах. Цифровые технологии могут обеспечить реализацию и контроль главных для нас элементов данных оппозиций. При этом, считает философ, следует признать преобладание цифровых технологий и предшествовавшего развития, потому что речь идет об эволюционной траектории, а не о революционной природе цифровой эпохи. И все же Сассовер использует слово «постсовременность», в которой и должен развиваться посткапитализм. Однако термин «постмодернизм» Срничека не интересует. Именно это обеспечивает дополнительные трудности в борьбе за понятие «посткапитализм», а конкуренция в использовании философских терминов требует учитывать уже существующие и параллельные теоретические наработки относительно одного и того же слова. Сложно сказать, что заставило Срничека отказаться от развития «посткапитализма» в широком смысле, но в своей последней книге он предложил очередной концепт «Платформенный капитализм», хотя словосочетание «посткапиталистическое будущее» возникает и здесь³⁹. Также обратим внимание, что ни Сассовера, ни Мейсона Срничек ни разу не упоминает, хотя в «Изобретая будущее»

37. См.: Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ad Marginem, 2015.

38. См.: Sasser R. Digital Exposure: Postmodern Postcapitalism. Houndmills: Palgrave Macmillan UK, 2013.

39. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

другие тексты Мейсона цитируются не раз. Разумеется, это сознательное умалчивание.

Теперь мы можем вернуться к связке капитализма в интерпретации Срничека и постмодернизма, а вместе с ним и имени Фредрика Джеймисона. Нет необходимости искать что-то на эту тему в «Капитализме платформ», потому что книга посвящена исключительно новым агентам капитала без импликаций в сферу политики и культуры. Но в тексте «Изобретая будущее» есть глава «Современность левых». В ней излагаются общие философские идеи проекта, состоящего из трех факторов, которые могут помочь в разработке современности для левых: образ исторического прогресса, универсалистский горизонт и приверженность эмансипации⁴⁰. Мы вправе ожидать, что слово «постмодернизм» появится хотя бы здесь, и, конечно, наши надежды оправдываются. Срничек и Уильямс пишут:

Связь между капитализмом и модернизацией сохраняется, в то время как правильные прогрессивные представления о будущем исчезли из-за постмодернизма и были уничтожены социальными кругами неолиберализма. Что наиболее важно, с распадом Советского Союза и распространением глобализации, видимо, у истории все же появился метанарратив. Рынки, наемный труд, товары и технологии, повышающие производительность, расширились во всем мире в соответствии с системным императивом накопления. Капитализм стал уделом современных обществ, счастливо сосуществующих с национальными различиями и мало обращающих внимание на столкновения между цивилизациями. Но здесь мы можем провести различие между конечной точкой (капитализм) и дорогой к ней. На самом деле то, что разные страны связаны между собой, означает, что европейский путь (который в значительной степени зависит от эксплуатации колоний и рабства) для многих развивающихся государств закрыт⁴¹.

Итак, мы можем предположительно сказать, что именно не нравится авторам в постмодернизме. Во-первых, что очень важно, они его не отрицают. Однако они отрицают именно то, что он сделал — упразднил разговоры о будущем, а вместе с тем и о прогрессе. Эту позицию они связывают с концепцией Жана-Франсуа Лиотара, которую критикуют вместе с «мыслителями постмодер-

40. *Srnicek N., Williams A. Op. cit. P. 71.*

41. *Ibid. P. 74.*

на», потому что для мыслителей постмодернизма, как заявляют авторы, современность ассоциировалась с доверчивой наивностью. И поэтому:

В эпохальном определении Жана-Франсуа Лиотара постмодерн был идентифицирован как эпоха, взрастившая подозрение к великому метанарративу (*the grand metanarrative*).

В этом смысле, считают Срничек и Уильямс, постмодерн — это культурное условие для того, чтобы разочароваться во всех видах великих нарративов, представленных капиталистическими, либеральными и коммунистическими версиями прогресса⁴².

Кроме того, Срничек и Уильямс не очень-то заинтересованы в проекте постмодерна и по политическим мотивам. Так, в одном месте они отмечают, что, делая акцент на свободе от государства, неолиберализм обратился к анархо-капиталистам и «движениям желания», распространившимся после мая 1968 года. В примечании к этому пассажи сказано:

Это один из источников общего утверждения, что постмодернизм является культурным выражением неолиберализма⁴³.

Здесь важно даже не то, что именно случилось после 1968 года, но убежденность авторов в том, что постмодернизм — это неолиберализм. Нельзя не отметить, что они выбирают одну, и очень странную, версию происхождения постмодернизма. Хотя и отказываясь от постмодерна в политическом отношении, Срничек и Уильямс игнорируют альтернативную версию глубинных корней его возникновения. Так, культурсоциолог Джеффри Александер пишет, что постмодернизм

... был идеологией интеллектуального разочарования; интеллектуалы-марксисты и постмарксисты создали постмодернизм в ответ на тот факт, что период героического и коллективного радикализма, по-видимому, сходил на нет⁴⁴.

42. Ibid. P. 73.

43. Ibid. P. 63, 197. Очень важно, что приписку относительно постмодернизма как культурного выражения неолиберализма авторы дают в примечании, не желая проговаривать это в основном тексте.

44. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013. С. 550–551.

Тем самым — по крайней мере в логике Александера — постмодернизм не отрицал и не хотел отрицать будущего, но для него провал утопии мог оказаться историческим регрессом, который

...угрожал разрушить смысловые структуры интеллектуальной жизни. С помощью теории постмодерна это неизбежное поражение можно было преобразовать в поражение имманентное, в необходимую часть самого исторического развития⁴⁵.

Итак, мы видим, что в своих редких обращениях к постмодерну Срничек и Уильямс осуждают его, чтобы предложить адекватный проект «современности для левых». Походя также заметим, что они не отказываются от традиционной категории социальной теории и возвращаются к истокам рассуждений о «модерне». И здесь мы подошли к главному. Есть ли в их концепции место для теории Фредрика Джеймисона? Это самый острый и самый интересный вопрос. Дело в том, что Срничек и Уильямс не щадят левых, которые «погрязли в прошлом». Когда они отмечают очевидный факт, что дискуссии левых относительно будущего до сих пор кажутся аберрантными и даже абсурдными, то связывают эту ситуацию с постмодерном. И потому такие философы, как Саймон Кричли, теперь могут с уверенностью утверждать, что «мы должны противостоять идее и идеологии будущего, которая всегда является конечной козырной картой капиталистических идей прогресса»⁴⁶. Говорят ли они что-то подобное о Джеймисоне? Нет. Однако во многом именно Джеймисон ответственен за то, что постмодерн отказался от разговоров о будущем. Так, философ в тексте «Ностальгия по настоящему» вынес следующий приговор будущему. По его мнению, любые представления о будущем в нашем настоящем на самом деле блокируют или даже предупреждают всякую версию грядущего как радикальной, принципиально иной системы. Любые шокирующие картины насилия, голода и застоя «не обязательно связаны с привыканием и слишком близким знакомством»; «убежденность, пусть даже усвоенная не сразу, а постепенно, в том, что есть только настоящее и что оно всегда „наше“, оказывается обоюдоострой мудростью»⁴⁷.

В книге «Изобретая будущее» Срничек и Уильямс, разумеется, обращаются к Джеймисону и цитируют его более поздние рабо-

45. Там же.

46. *Srnicek N., Williams A. Op. cit. P. 72.*

47. *Джеймисон Ф. Указ. соч. С. 563.*

ты⁴⁸ (за исключением «Когнитивной картографии»⁴⁹), но не тексты про постмодернизм. Мы могли бы предположить, что эта часть исследования была выполнена Алексом Уильямсом. Однако это не так. В своем раннем тексте, упоминавшемся выше, именно Срничек обращается к Джеймисону и его «когнитивной картографии», причем в контексте эстетики, пусть и политической⁵⁰. Часть этой статьи вошла в книгу «Изобретая будущее», но только не этот фрагмент⁵¹. Между тем идею когнитивной картографии Джеймисон начал развивать непосредственно в контексте постмодернизма⁵². Постмодерн в этом виде — куда более сильная теория, чем идея Лиотара, от которой легко отмахнуться, так как всем очевидно, что метанарративы есть. Срничеку оставалось, признавая вклад Джеймисона в марксистскую философию, оставить ключевые тексты последнего о постмодерне без внимания и обратиться к иным работам. Итак, вывод ясен. Постмодернизм имеет неочевидные имманентные генетические связи с «акселерационистским посткапитализмом», а потому социальная теория Срничека в целом — не что иное, как негативная версия «постпостмодернизма».

Необходимо также сказать, что если Срничек и Уильямс аккуратно обходят проблему постмодерна, умалчивая о ее главной теории, то другие участники акселерационистского проекта, например, пытаются с ней сражаться. В частности, профессор критической теории Бенджамин Нойс призывает вернуться к прошлому, чтобы в нем отобрать силы для создания нового некапиталистического будущего. Интересно не то, что конкретно он предлагает, но то, как он описывает «хронотошноту» — перманентные повторения образов прошлого, являющиеся бессмысленной статикой. Вот почему левым, чтобы завоевать будущее, необходимо вернуться в прошлое и все исправить. Очевидно, это чревато ностальгией — между прочим, ключевой для постмодерна категорией, — и потому ностальгия акселерационизма есть ностальгия, как утверждает автор, со-

48. См.: *Jameson F. A Singular Modernity: Essay on the Ontology of the Present*. L.: Verso, 2002; *Idem. Valences of the Dialectic*. L.: Verso, 2010; *Idem. Representing Capital: A Reading of Volume One*. L.: Verso, 2011.

49. См.: *Джеймисон Ф. Когнитивная картография // Он же. Марксизм и интерпретация культуры*. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 335–349.

50. *Срничек Н. Навигация по неолиберализму: политическая эстетика в эпоху кризиса*.

51. См., напр.: *Srnicek N., Williams A. Op. cit.* P. 25 ff.

52. *Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. С. 166–172.

всем другого толка, противопоставляющая себя ностальгии постмодернизма. Ведь именно из-за постмодерна будущее забуксовало в «плохом пастише» (в данном случае выпад против Джеймисона очевиден), не предлагающем ничего нового, и сегодняшняя ретромания — это всего лишь логика поп-культуры позднего неолиберализма. Этот ход, однако, как утверждает Нойс, чреват вырождением акселерационизма в смесь ретромании и футуризма⁵³.

* * *

Все наши рассуждения — отнюдь не полемика с авторами «посткапитализма», но нечто совсем иное. Прежде всего это попытка ответить на вопрос, почему они не связываются с термином «постмодерн». Впрочем, после всего сказанного ответ очевиден: с одной стороны, сама по себе историческая ситуация, — в которой провозглашен конец постмодерна, а молодые левые лихорадочно ищут новую повестку дня и пытаются обнаружить новые инструменты борьбы с капитализмом (вместо моральной критики и политической риторики), — диктует требование оставить тему в прошлом. С другой стороны, постмодерн не давал какой-либо возможности теоретически рассуждать о будущем, а это означает, что он не просто не может помочь, но даже вреден для новейшей социальной левой теории, представляемой Срничеком. Именно поэтому постмодерн осторожно упраздняется, а его версия, представленная Джеймисоном, замалчивается. И все же брошенная «когнитивная картография» в качестве орудия борьбы в эпоху постмодерна остается тлеть в самих истоках теоретических поисков Срничека, замешанных на киберпанке и капиталистическом реализме — вполне постмодернистских феноменах.

Библиография

- «Термин „акселерационизм“ стал бесполезным». Интервью с Ником Шрничеком // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 87–102.
- «Фрагментация — вот единственная стратегия». Интервью с Ником Ландом // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 31–54.
- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011.
- Джеймисон Ф. Когнитивная картография // Он же. Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 335–349.

53. Нойс Б. Дни минувшего будущего: состояние акселерационизма // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 126–129.

- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.
- Ланд Н. Гипервирус // Он же. Киберготика. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 117–126.
- Ланд Н. Машинное желание // Он же. Киберготика. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 57–80.
- Ланд Н. Расплавление // Он же. Киберготика. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 173–190.
- Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ad Marginem, 2015.
- Нойс Б. Дни минувшего будущего: состояние акселерационизма // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 126–129.
- Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28. № 6. С. 1–19.
- Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
- Срничек Н. Навигация по неолиберализму: политическая эстетика в эпоху кризиса // Художественный журнал. 2016. № 99.
- Уильямс А., Шрничек Н. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 7–20.
- Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010.
- Ambrose D. Editor's Introduction // Fisher M., Ambrose D. K-Punk. The Collected and Unpublished Writings of Mark Fisher (2004–2016). L.: Repeater Books, 2018.
- Aubert N. Violence du temps et pathologies hypermodernes // Cliniques méditerranéennes. 2008. № 78. P. 23–38.
- Berardi F. After the Future. Oakland: AK Press, 2011.
- Berman M. All That is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity. L.; N.Y.: Verso, 1983.
- Fisher M. "We Have to Invent the Future": An Unseen Interview with Mark Fisher (2012) // Fisher M., Ambrose D. K-Punk. The Collected and Unpublished Writings of Mark Fisher (2004–2016). L.: Repeater Books, 2018.
- Fisher M. Ghosts of My Life. Writings on Depression, Hauntology and Lost Futures. Winchester, WA: Zero Books, 2014.
- Fisher M. The Weird and the Eerie. L.: Repeater, 2016.
- Fisher M., Ambrose D. K-Punk. The Collected and Unpublished Writings of Mark Fisher (2004–2016). L.: Repeater Books, 2018.
- Jameson F. A Singular Modernity: Essay on the Ontology of the Present. L.: Verso, 2002.
- Jameson F. Representing Capital: A Reading of Volume One. L.: Verso, 2011.
- Jameson F. Valences of the Dialectic. L.: Verso, 2010.
- Kirby A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N.Y.; L.: Continuum, 2009.
- Lueg K., Richter G. Leben mit Pop: eine Demonstratio fur den kapitalistischen Realismus. Dusseldorf: Moberhaus Berges, 1963.
- McHale B. The Cambridge Introduction to Postmodernism. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Sassower R. Digital Exposure: Postmodern Postcapitalism. Houndmills: Palgrave Macmillan UK, 2013.
- Srniczek N., Williams A. Inventing the Future. Postcapitalism and a World without Work. L.: Verso, 2015.
- Van den Akker R. Metamodern Historicity // Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). L.; N.Y.: Rowman & Littlefield, 2017. P. 21–24.

THE POSTMODERN GENE: DOES POST-CAPITALISM MEAN POST-POSTMODERNISM?

ALEXANDER PAVLOV. Associate Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities; Leading Reserach Fellow, Social Philosophy Department, apavlov@hse.ru. National Research University Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.
Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russia.

Keywords: postmodern; postmodernism; post-postmodernism; capitalism; post-capitalism; accelerationism; culture; capitalist realism; Marxism; social philosophy; neoliberalism.

The article examines a problem besetting social theory and theory of culture: the problem of using postmodernism as a language for describing the 21st century. The author resorts to the umbrella term “post-postmodernism” to indicate the more complex theories that focus mainly on the analysis of the latest forms of capitalism rather than the concepts that offer themselves as direct alternatives to postmodernism even though they ignore the link between postmodernism and capitalism. The author takes up the idea, first argued for by the American Marxist philosopher Fredric Jameson, that postmodernism is the cultural logic of late capitalism and then uses Jameson’s approach in an attempt to retrace the continuity of new concepts of capitalism.

The discussion begins with the theory of capitalist realism developed by left-ist British thinker Mark Fisher. Fisher recognizes Jameson’s merits but takes exception to the term “postmodernism,” although the entire philosophical apparatus that Fisher uses is borrowed from Jameson’s work. The article then bridges the gap between capitalist realism and the latest left-wing theories such as accelerationism and post-capitalism. After tracing the close connection between the work of Mark Fisher and Nick Land, who worked together in the 1990’s at the Cybernetic Culture Research Unit (CCRU) and the ideas of Nick Srnicek, the author asks why Srnicek and his colleagues are put off by Fredric Jameson’s postmodern theory. The answer is that postmodernism does not permit contemporary leftists to speculate about the future. However, as the author points out, Jameson’s ideas about postmodernism at the “genetic level” are implicit in Srnicek’s concept of post-capitalism, which makes Srnicek’s theory “post-postmodernist,” although as a negative variation (in contrast to Mark Fisher’s positive one).

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-1-21

References

- “Fragmentatsiia — vot edinstvennaia strategiiia”. Interv’iu s Nikom Landom [“The Only Thing I Would Impose is Fragmentation”. Interview with Nick Land]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2018, vol. 28, no. 2, pp. 31–54.
- “Termin ‘akseleratsionizm’ stal bespoleznym”. Interv’iu s Nikom Shrnichekom [“The Term ‘Accelerationism’ Became Useless”. Interview with Nick Srnicek]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2018, vol. 28, no. 2, pp. 87–102.
- Alexander J. *Smysly sotsial’noi zhizni: kul’tursotsiologiia* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology], Moscow, Praxis, 2013.

- Ambrose D. Editor's Introduction. In: Fisher M., Ambrose D. *K-Punk. The Collected and Unpublished Writings of Mark Fisher (2004–2016)*, London, Repeater Books, 2018.
- Anderson P. *Istoki postmoderna* [The Origins of Postmodernity], Moscow, Territoria budushchego, 2011.
- Aubert N. Violence du temps et pathologies hypermodernes. *Cliniques méditerranéennes*, 2008, no. 78, pp. 23–38.
- Berardi F. *After the Future*, Oakland, AK Press, 2011.
- Berman M. *All That is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity*, London, New York, Verso, 1983.
- Fisher M. "We Have to Invent the Future": An Unseen Interview with Mark Fisher (2012). In: Fisher M., Ambrose D. *K-Punk. The Collected and Unpublished Writings of Mark Fisher (2004–2016)*, London, Repeater Books, 2018.
- Fisher M. *Ghosts of My Life. Writings on Depression, Hauntology and Lost Futures*. Winchester, WA, Zero Books, 2014.
- Fisher M. *Kapitalisticheskii realizm* [Capitalist Realism], Moscow, Ul'trakul'tura 2.0, 2010.
- Fisher M. *The Weird and the Eerie*, London, Repeater, 2016.
- Fisher M., Ambrose D. *K-Punk. The Collected and Unpublished Writings of Mark Fisher (2004–2016)*, London, Repeater Books, 2018.
- Jameson F. *A Singular Modernity: Essay on the Ontology of the Present*, London, Verso, 2002.
- Jameson F. Kognitivnaia kartografiia [Cognitive Cartography]. *Marksizm i interpretatsiia kul'tury* [Marxism and Interpretation of Culture], Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, 2014, pp. 335–349.
- Jameson F. *Postmodernizm, ili Kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2019.
- Jameson F. *Representing Capital: A Reading of Volume One*, London, Verso, 2011.
- Jameson F. *Valences of the Dialectic*, London, Verso, 2010.
- Kirby A. *Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*, New York, London, Continuum, 2009.
- Land N. Gipervirus [Hypervirus]. *Kibergotika* [Cybergothic], Perm, Hyle Press, 2018, pp. 117–126.
- Land N. Mashinnoe zhelanie [Machinic Desire]. *Kibergotika* [Cybergothic], Perm, Hyle Press, 2018, pp. 57–80.
- Land N. Rasplavlenie [Meltdown]. *Kibergotika* [Cybergothic], Perm, Hyle Press, 2018, pp. 173–190.
- Lueg K., Richter G. *Leben mit Pop: eine Demonstratio fur den kapitalistischen Realismus*, Dusseldorf, Moberhaus Berges, 1963.
- Mason P. *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu* [PostCapitalism: A Guide to Our Future], Moscow, Ad Marginem, 2015.
- McHale B. *The Cambridge Introduction to Postmodernism*, Cambridge, Cambridge University Press, 2015.
- Noys B. Dni minuvshogo budushchego: sostoianie akseleratsionizma [Days of Phuture Past: Accelerationism in the Present Moment]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2018, vol. 28, no. 2, pp. 126–129.
- Pavlov A. V. Obrazy sovremennosti v XXI veke: metamodernizm [Images of Modernity in the Twenty-First Century: Metamodernism]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2018, vol. 28, no. 2, pp. 126–129.

- turnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2018, vol. 28, no. 6, pp. 1–19.
- Sassower R. *Digital Exposure: Postmodern Postcapitalism*, Houndmills, Palgrave Macmillan UK, 2013.
- Srnicek N. *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], Moscow, HSE, 2019.
- Srnicek N. Navigatsiia po neoliberalizmu: politicheskaia estetika v epokhu krizisa [Navigating Neoliberalism: Political Aesthetics in an Age of Crisis]. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 2016, no. 99.
- Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future. Postcapitalism and a World without Work*, London, Verso, 2015.
- Van den Akker R. Metamodern Historicity. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism* (eds R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen), London, New York, Rowman & Littlefield, 2017, pp. 21–24.
- Williams A., Srnicek N. Manifest akseleratsionistskoi politiki [Manifesto for an Accelerationist Politics]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2018, vol. 28, no. 2, pp. 7–20.